

На правах рукописи

Матвиенко

МАТВИЕНКО Елена Викторовна

**ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ОБРАЗОВ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МИФОЛОГИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ**

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2010

Работа выполнена на кафедре теории и практики перевода Института иностранных языков Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Дальневосточный государственный университет».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор **Прошина Зоя Григорьевна**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, доцент **Попова Татьяна Георгиевна**
кандидат филологических наук, доцент **Ривлина Александра Абрамовна**

Ведущая организация: **Новосибирский государственный университет**

Защита состоится «28» июня 2010 года в 14.30 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.04 при Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 119192, г. Москва, Ломоносовский проспект, д. 31, корпус 1, факультет иностранных языков и регионоведения, ауд. 107-108.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Автореферат разослан «28» июня 2010 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Е. В. Маринина

Общая характеристика работы

Данная диссертационная работа посвящена исследованию языковой репрезентации образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах, в которых английский язык выступает в роли языка-посредника. Работа выполнена в рамках лингвоконтактологии и лингвокультурологии с опорой на положение о тесной связи языка и культуры. Современная лингвистика немыслима без комплексного подхода к изучению общих и частных проблем. Лингвистические исследования неразрывно связаны с изучением разнообразных аспектов культуры. Исследование соотношения и взаимодействия языка, культуры и этноса невозможно без интеграции достижений многих дисциплин, включая философию, психологию, культурологию, социологию и других. Комплексный подход к изучению национальной специфики языка мы находим в работах зарубежных ученых Ф. Боаса, У. Вайнрайха, А. Вежбицкой, В. Гумбольдта, К. Леви-Строса, Х. Хойера и других, а также в работах отечественных авторов: Е.М. Верещагина, В.В. Кабачки, О.А. Корнилова, В.Г. Костомарова, М.Г. Лебедево, Д.С. Лихачева, Т.Г. Поповой, З.Г. Прошиной, С.Г. Тер-Минасовой, и многих других исследователей.

Вслед за О.А. Корниловым [Корнилов, 2003] мы считаем проблему интеллектуального освоения точки зрения на мир, выработанной другим народом и вербализованной языковыми средствами, иными словами, проблему взаимопостигаемости языков и культур, достаточно актуальной для настоящего времени – времени информационной открытости и безграничных возможностей коммуникации. На современном этапе развития человечества существование отдельных культур немыслимо без контактов, взаимодействий, обменов. Вместе с культурами взаимодействуют и контактирующие языки. Результатом культурно-языкового взаимодействия нередко оказывается заимствование понятий, а также лексических единиц, их вербализующих. Количество научных работ, касающихся проблем заимствований, постоянно растет, однако главный вопрос – вопрос о взаимопостигаемости культур, объективируемых разными языками, остается открытым. Важность и сложность указанной проблемы определяют актуальность настоящей работы, в которой исследуется восточноазиатская мифологическая картина мира, репрезентируемая в англоязычных текстах. Мы полагаем, что лексика мифологического содержания выступает как основное средство репрезентации мифологических концептов и, следовательно, постижения мифологической картины мира. Обладая

большой объяснительной силой по сравнению с другими уровнями языка, мифологическая лексика представляет наиболее надежный источник для изучения мифологической картины мира. Адаптируемая английским языком восточноазиатская мифологическая лексика, вербализующая концепты восточноазиатской мифологической картины мира, претерпевает, помимо фонографических, семантические изменения. По нашему мнению, исследование восточноазиатской мифологической картины мира с учетом этих изменений, может внести некоторую ясность в вопрос о взаимовлиянии и взаимопостижимости культур.

Как отмечают исследователи (А.Ф. Лосев, Н.И. Толстой, Е.М. Мелетинский), миф составляет основу культуры народа, в нем отразились народные представления о мире, природе, жизни. Многочисленные мифологические исследования, появившиеся в последние годы на Западе и на Востоке свидетельствуют о все возрастающем интересе к мифологии, зародившемся на пороге XIX века. С тех пор возникло множество концепций, школ, теорий, объясняющих различные стороны этого феномена. Помимо методов культурологического и литературоведческого анализа к мифологии применимы также методы лингвистического анализа. Мифологическая лексика, по-своему концентрируя историко-национальное видение мира, требует специального изучения. Из последних работ, посвященных исследованию мифологической лексики, следует отметить диссертацию А.А. Завьялова (2000), посвященную исследованию семантики, синтактики и прагматики мифонимов немецкого языка, Л.Н. Виноградовой (2001), предложившей разработку теоретических основ и методики сравнительного анализа мифологических персонажей, исследование А.С. Колесник (2003), которая описала языковые средства отражения мифологической картины мира на материале древнеанглийского эпоса и современных британских художественных произведений жанра фэнтези, а также работу О.В. Абыякой (2004), которая исследует мифологическую лексику русского языка в лингвокультурологическом аспекте.

В настоящее время наблюдается растущий интерес всего мира к культуре и языкам восточноазиатских стран. Американский публицист Бой Лафазтт де Менте составил словари японских (De Mente, 1994), китайских (De Mente, 1996) и корейских реалий (De Mente, 1998). Изучением восточноазиатских заимствований (китайских, корейских, японских) в английском языке занимались несколько зарубежных ученых. Японский лингвист Тоси Эванс составил словарь японских заимствований в английском языке (Evans,

1997). Область интересов американского ученого Гарланда Кэннона распространяется на хронологию восточных заимствований, их возможное место и продуктивность в языке, проблемы, возникающие при переходе из языка в язык. Украинская исследовательница Н.Н. Быховец (1989) рассматривает адаптацию восточных слов, наряду с заимствованиями из других языков, к нормам английского языка. Российский лингвист З.Г. Прошина (2001) направляет фокус внимания на опосредованный перевод восточноазиатских заимствований с английского языка на русский. Н.Г. Богаченко (2003) на материале Большого Оксфордского словаря изучила историю восточноазиатских заимствований в английском языке.

Однако, несмотря на пристальное изучение мифологической лексики, с одной стороны, и восточноазиатских заимствований в английском языке, с другой стороны, до настоящего времени не появилось исследования восточноазиатских мифонимов (мифологической лексики) через призму английского языка, который в настоящее время часто выступает посредником в обмене народами информацией, в том числе и культурной. В вышесказанном заключается **новизна** данной работы.

Объектом нашего исследования являются восточноазиатские мифонимы, вербализующие концепты восточноазиатской мифологической картины мира, **предметом** – особенности их репрезентации в англоязычных текстах с учетом фонографических и семантических изменений.

Цель данной работы - исследование языковой репрезентации образов восточноазиатской мифологии, объективируемых английским языком. Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

1. провести обзор научных исследований, посвященных проблеме взаимовлияния языка и культуры, раскрыть соотношение понятий «картина мира», «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «мифологическая картина мира»;
2. дать определение мифологической картины мира, выделить единицу, лежащую в ее основе;
3. рассмотреть различные способы обозначения лексических единиц мифического содержания;
4. доказать, что выделенные в теории межкультурной коммуникации методы интер- и кросскультурного анализа¹ приложимы также к

¹ О.А. Леонтович, исследователь в области межкультурной коммуникации, вслед за У.Б. Хартом видит целесообразность в делении научных изысканий на кросскультурные и интеркультурные [Леонтович, 2003: 12].

теории лингвокультурологии. В связи с этим в рамках лингво-интеркультурного исследования, предполагающего выявление последствий взаимодействия культур и языков, проанализировать отобранные единицы с целью выявления фонографических, грамматических и семантических изменений и определить степень освоенности восточноазиатских мифонимов английским языком;

5. в рамках лингво-кросскультурного исследования с целью дополнения и уточнения некоторых данных, полученных в ходе лингво-интеркультурного исследования, провести сопоставительный лингвистический анализ лексических единиц английского языка и лексических единиц, заимствованных из китайского языка *phoenix/feng-huang; unicorn/kylin; dragon/lung; ghost, spirit, demon, devil / gui; ghost, spirit / shen*, помеченных в словаре как мифологическая лексика. Основанием для сопоставления послужил тот факт, что, по нашим наблюдениям, данные мифонимы являются разными вербализациями сходных мифологем двух культур – культуры Запада и культуры Востока. На данном этапе мы посчитали возможным ограничиться исследованием лишь китайских мифонимов, поскольку, именно высокоразвитая китайская цивилизация оказала сильнейшее влияние на развитие стран Востока - Кореи и Японии, в том числе и на религиозно-мифологические представления жителей этих государств.

Материал, подвергнутый анализу, представляет собой не только языковые заимствования, зафиксированные словарями, но, прежде всего, речевые выражения (по терминологии Л.П. Крысина), представленные в англоязычных текстах. Источниками практического материала послужили романы американских писателей китайского происхождения Эми Тэн, Максин Хонг Кингстон, Лизы Си, а также романы американских писателей Перл Бак, Дова Силвермана; китайские, корейские, японские народные сказки на английском языке, пересказанные англоязычными авторами для англоязычных рецепторов; энциклопедии по мифологии «An Encyclopedia of Myth and Legend. Pacific Mythology», «Larousse Encyclopedia of Mythology», «Myths and Legends of the World»; статьи из англоязычных журналов «Japan Quarterly», «Korea Journal», «Koreana», а также Интернет-источники.

Аналізу подвергнуто 247 японских, 132 китайских, 78 корейских мифонимов - итого 457 восточноазиатских мифонимов. Общее количество страниц исследуемых текстов составляет около 9000.

С учетом комплексного подхода к достижению поставленной цели исследование проводилось несколькими методами. Для сбора

языковых фактов был использован прием сплошной выборки из англоязычных текстов. Для исследования отобранного материала использовались следующие методы: описательно-аналитический метод, предполагающий анализ полученных результатов и их описание в русле соответствующей теоретической концепции; метод количественного анализа, позволяющий приводить квантикативную характеристику исследуемой лексики; метод изучения словарных дефиниций; метод компонентного анализа; метод контекстуального анализа, метод сопоставительного анализа, а также анкетирование.

Положения, выносимые на защиту:

1. Мифологическая картина мира, отражаемая языком, в том числе и языком-посредником, являясь неотъемлемым компонентом национально-культурной (концептуальной) картины мира, включает в себя универсальные и этноспецифичные черты.

2. Мифологемы, трактуемые как концепты мифологической картины мира, актуализируются в языке посредством мифонимов - лексических единиц мифического содержания.

3. Заимствованные из восточноазиатских языков мифонимы, встречающиеся в англоязычных текстах, подвергаются определенным изменениям под давлением принимающей их языковой системы.

4. Учет прагматической (коннотативной) разницы между прямыми заимствованиями мифонимов и их английскими эквивалентами имеет большое значение для практики межкультурной коммуникации.

5. Мифонимы являются подвижным классом лексем, в котором граница между нарицательными и собственными именами достаточно размыта и нестабильна.

6. Рассматривая восточноазиатские мифонимы в качестве заимствований, осваиваемых английским языком, как результат контакта восточноазиатских языков и английского языка и, в общем, как результат контакта восточноазиатской культуры с европейской, можно фиксировать факты взаимодействия и взаимовлияния языков и культур.

Теоретическая значимость исследования заключается в обращении к актуальным проблемам современной лингвистики: к вопросу о вхождении заимствований в английский язык, о соотношении культуры и языка, к интерпретации национально-культурных смыслов языковых единиц, а также в уточнении понятийного аппарата и приемов лингвокультурологического исследования лексики. Разведение методов кросскультурного и

интеркультурного анализа языковых средств также представляет теоретическое значение для современной лингвистики.

Практическая значимость исследования состоит в том, что собранный материал может использоваться в лексикографической практике, пополнив уже существующий «Англо-русский контактологический словарь восточноазиатской культуры» (2004). Материалы диссертации могут быть использованы при подготовке и проведении лекционных и практических занятий по лингвокультурологии, лингвострановедению, лексикологии, в теории и практике перевода, а также в научно-практической работе студентов при написании курсовых и дипломных работ.

Апробация работы осуществлялась на занятиях по курсу «Теория и практика перевода», «Основы межкультурной коммуникации», «Лингвокультура стран АТР» в Дальневосточной государственной социально-гуманитарной академии (г. Биробиджан), на международных научных конференциях в Хабаровске (International Academic Conference “Linguistics and Cross-Cultural Communication: Present, Past and Future”, сентябрь 2003), Владивостоке (5th International FEELTA conference “Sharing Challenges, Sharing Solutions: Teaching Languages in Diverse Contexts”, июнь 2004; 7th International FEELTA conference “Building Bridges with Languages and Cultures”, июнь 2008), Биробиджане (6th International FEELTA conference “Best Practice in ELT”, июнь, 2006). Содержание работы отражено в восьми публикациях, общим объемом 2,4 п.л., одна из статей вышла в реферируемом журнале.

Структура диссертации. Диссертация общим объемом 175 страниц состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложения.

Основное содержание работы

Во введении намечаются цель, задачи работы, определяется актуальность темы, ее научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В первой главе «Теоретические основы исследования мифологической картины мира через язык-посредник» решаются задачи, ориентированные на выявление соотношения понятий «концептуальная картина мира», «языковая картина мира», «мифологическая картина мира», а также на разработку терминологического аппарата исследования. Намечаются принципы изучения и описания восточноазиатских мифонимов, адаптируемых английским языком, а также уточняется содержание термина «заимствование».

Концептуальная картина мира богаче языковой картины мира, в ее основе лежат концепты, лишь часть которых выражена языковыми средствами. Концептуальная картина мира включает в себя универсальное (общечеловеческое) и специфическое (национальное и личностное). Языковая картина мира формируется под влиянием концептуальной картины мира, она также включает в себя черты универсальные, культурно-специфические и индивидуальные. Концептуальная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, они находятся в состоянии непрерывного взаимодействия и восходят к реальной действительности, или «реальной картине мира» (последний термин – С.Г. Тер-Минасовой [2001;41]).

Языковая картина мира отражает общественно-исторический опыт отдельной нации, следовательно, она национальна. Несовпадение национально-языковых картин мира определяется исследованием как основное препятствие в достижении полного взаимопонимания участников коммуникативного акта. Изучение национально-языковой картины мира может способствовать оптимизации диалога культур, под которым понимается взаимное восприятие и обмен ценностями и информацией.

Тот фрагмент национально-культурной картины мира, который отражает мифологические представления этноса, мы называем мифологической картиной мира. В мифологической картине мира можно выделить универсальное (общечеловеческое) и уникальное (этноспецифичное). Мифологические универсалии отражают общие особенности мифологического мышления [Зубко, 2001]. В конкретной мифологической картине мира мифологические универсалии приобретают, тем не менее, специфические характеристики. Концепты-мифологемы разных лингвокультур, лежащие в основе национально-культурной мифологической картины мира, могут отражать некую универсальность, а также заключать этноспецифичную информацию. **Мифологемы**, трактуемые нами как концепты мифологической картины мира, актуализируются в языке посредством лексических единиц мифического содержания. Лексические единицы, вербализующие концепты-мифологемы отдельно взятого этноса, заключающие этноспецифичную информацию, мы называем **мифонимами**.

Анализируемые в данном исследовании восточноазиатские мифонимы, осваиваемые английским языком, рассматриваются как заимствованные ксенонимы (термин В.В. Кабакчи) – слова, обозначающие специфические элементы внешних культур, результат вторичной вербализации культурного континуума. В рамках нашей

работы целесообразно проведение лингво-интеркультурного исследования, предполагающего анализ заимствований как результата контакта культур. Под «заимствованием» в данной работе понимается употребление в тексте иноязычного слова (восточноазиатского мифонима), адаптированного либо частично адаптированного, зафиксированного либо не зафиксированного англоязычным толковым словарем.

Полученные по результатам лингво-интеркультурного исследования мифонимов факты о влиянии восточноазиатской культуры на английский язык могут быть дополнены данными, полученными посредством лингво-кросскультурного исследования, предполагающего сопоставительный анализ сходных лексических единиц двух и более языков. Сопоставляя лексические единицы разных языков можно обнаружить несходство (или асимметрию) объема и/или содержания культурно-значимой информации.

Во второй главе «Исследование восточноазиатских мифонимов, адаптируемых английским языком» представлены наши наблюдения относительно того, что китайские, корейские и японские мифонимы тематически широко представлены в англоязычных текстах, авторами которых являются как носители восточных языков и культур, являющиеся билингвами, так и представители так называемых англофонных культур (в частности, американской и британской). Согласно классификации по семантическим характеристикам, в англоязычных текстах встречаются восточноазиатские *мифоантропонимы* (*Pak Hyokkose* - Пак Хёккосе, основатель корейского государства Силла; *Benkei* - Бэнкэй, знаменитый японский воин; *Hidesato* - Хидэсато, бесстрашный японский герой); *мифоперсонимы* (*Shen-t'u* - Шэнь-ту, китайские мифические существа, удерживающие души в аду; *Dalnim* - Дальним, луна в корейской мифологии; *Kijo* - Кидзё, японский великан-людоед); *мифотопонимы* (*Shilla* - Силла, древнее корейское государство; *Enoshima* - Эносима, остров в японской мифологии, на который впервые ступила богиня Бэнтэн; *huang-ch'uang* - хуанчуан, подземный мир в китайской мифологии, куда возвращаются после смерти души инь); *мифозоонимы* (*lung* - лун, китайский дракон; *Hyonmu* - хёнму, полумеся-получерепаха в корейской мифологии; *Chujak* - чуджак, красная птица в корейской мифологии); *мифофитонимы* (*P'an-t'ao* - паньтао, персик бессмертия в китайской мифологии; *hasu* - хасу, цветок лотоса в японской мифологии, посвященный Будде; *kanzakura* - кандзакура, японская священная вишня); *теонимы* (*Gong Gong* - Гун Гун, древнекитайское божество

воды; *Guan Di* – Гуань-ди, бог войны в китайской мифологии; *Aji-Shiki* – Адзи-сикки, молодой японский бог). Помимо этого нам представляется возможным выделить еще две группы мифонимов: названия *волищных и магических предметов*, фигурирующих в мифах, например, японские *takarabune* – такарабунэ, корабль с сокровищами, *Yata-Kagami* – ята-кагами, звездное зеркало Богини Солнца, *Kusanagi* – Кусанаги, чудесный меч; корейский *манп'ашикжик* – манпха-сикжжик, волшебная флейта, а также группу имен, обозначающих *абстрактные понятия*, например, *yin-yang* (кит.)/ *in-yang* (кор.)/ *in-yo* (яп.) – инь-ян, дуальные космические силы; *feng shui* (кит.)/, *p'ungsu* (кор.) – фэн-шуй, система энергетического равновесия; *T'ai Chi* (кит.) – тайцзи, Великий предел, источник инь и ян. В ходе исследования мы отметили, что восточноазиатские мифонимы часто несут некое символическое значение.

По нашим наблюдениям, в большинстве своем восточноазиатские мифонимы представлены ономастической лексикой, вступившей на путь деонимизации. Восточноазиатские мифонимы-имена собственные довольно часто ведут себя в англоязычных текстах как имена нарицательные: сопровождаются артиклем, используются во множественном числе, пишутся со строчной буквы. В свою очередь, мифонимы-имена нарицательные, попадая в английский язык, воспринимаются порой как имена собственные, то есть происходит их онимизация. Таким образом, среди восточноазиатских мифонимов, нашедших свое отражение в англоязычной картине мира, чаще всего нет четкого деления на имена собственные и имена нарицательные. Например:

Cheng-huang protected the moats and walls of towns when enemies were attacking them. He also made sure the King of the Dead didn't take any souls away without Cheng-huang's permission. (<http://www.historyforkids.org/learn/china/religion/chenghuang.htm>). – Чэн-Хуан защищал ров с водой и городские стены от атаки врагов. Он также должен был следить за тем, чтобы Повелитель Смерти не забрал с собой души людей без его позволения.

The Cheng-huang also guide the souls of the departed to Heaven (<http://www.pantheon.org/articles/c/cheng-huang.html>). – Чэнхуаны также являются проводниками душ на Небеса.

По ходу исследования мы отметили также, что, изучая вариантность восточноазиатской мифологии, представленную в англоязычных текстах, можно наблюдать общность китайской, корейской и японской культур. Это можно объяснить тем, что на протяжении столетий мифологические мотивы заимствовались из

одной восточноазиатской культуры в другую, особенно значительными были заимствования из китайской культуры. В результате мифологические представления в восточноазиатской мифологической картине мира номинируются параллельными лексемами в китайском, корейском, японском языках, заимствуемыми в английский язык в разных формах, например, *ch'i-lin/kin*– (кит./яп.) цилинь, единорог; *huli jing/kitsune/ kumiho* – (кит./яп./кор.) дух лисы, демон в женском облике; *Bai Hul/ Byakko/ Baekho*– (кит./яп./кор.) белый тигр, владыка запада, и так далее.

Лингво-интеркультурному исследованию мы подвергли всю отобранную из англоязычных текстов ксенонимическую восточноазиатскую мифологическую лексику. Вслед за В.В. Кабакчи (1998), который определяет статус принадлежности ксенонимической лексики к словарному составу языка, исследует заимствование в ксенонимии и способы образования ксенонимов, мы также рассмотрели статус восточноазиатских мифонимов в английском языке, заимствование мифонимов и особенности их адаптации в английском языке, а также способы передачи мифонимов через английский язык.

Большой Оксфордский словарь, который, по мнению В.В. Кабакчи, может использоваться в качестве подтверждения языкового статуса внешнекультурной лексики [Кабакчи, 1998: 32], фиксирует 21 заимствованную из китайского, корейского, японского языков лексическую единицу мифического содержания. Даже будучи собственно заимствованиями, фиксируемыми Большим Оксфордским словарем, восточноазиатские мифонимы чаще всего остаются инородными, чуждыми для языка-реципиента (из 21 отобранной единицы 12 помечены в словаре соответствующим значком-||, который означает «чуждый, неассимилированный») и для носителей языка. Данный факт подтверждается результатами анкетирования англоязычных респондентов с целью определения степени их знакомства с восточноазиатской мифологией.

Поскольку, как известно, заимствования, проходя процесс адаптации, приспособляются к фонетике, графике, грамматике и семантике принимающего языка, мы рассмотрели некоторые случаи фонографической, грамматической и семантической адаптации восточноазиатских мифонимов в английском языке. Если говорить об особенностях фонографической адаптации восточноазиатских мифонимов в английском языке, то в первую очередь следует отметить произносительную и орфографическую вариантность, которая свидетельствует о незавершившемся становлении фонемно-

графического облика слова и о малой степени ассимилированности восточноазиатских мифонимов-заимствований. На неассимилированность исследуемой лексики указывает, например, наличие нередуцированных гласных в безударной позиции (*funadama* [ˈfu:na,da:ma] – (яп.) «фунадама, бог кораблей, моряков и рыбаков»); появление не свойственных заимствующему языку звуковых сочетаний ([ʃ]) в китайском мифониме *hsien* [ʃja:n] - «сянь, один из добрых духов»; сочетание двух одинаковых гласных в японском мифониме *Mii-no-kami* [miːnoˈka:mi] – «Мин-но-камн, богиня источников и колодезь»; а также появление фонем в несвойственных им позициях (*obake* [ouˈba:kei] – «обаке, привидение, дух»; *Takarabune* [ˌta:kəgəˈbu:nei] – «такарабуне, корабль с сокровищами»).

Грамматическая адаптация заимствованных английским языком восточноазиатских мифонимов проявляется в приобретении ими категории множественного числа при помощи флексии –s, употреблении мифонимов с артиклем, а также в образовании формы притяжательного падежа. Например:

The shojos are naked but for a skirt of green seaweed; their skin is pink or red (An Encyclopedia of Myth and Legend. Pacific Mythology, 1992, p. 264). – Сёдзё всегда изображаются обнаженными за исключением зеленой юбки, сделанной из морских водорослей; их кожа розовая или красная.

Today a mirror in Amaterasu's shrine at Ise is considered one of Japan's three imperial treasures, along with jewels and a sword (Myths and Legends of the World, vol.1, p.32). – Сегодня зеркало, находящееся на месте поклонения Аматерасу в святилище Исэ, считается одним из трех японских сокровищ, наряду с драгоценным ожерельем и мечом.

Показателем семантической адаптации в принимающем английском языке является развитие у восточноазиатских мифонимов комбинаторных возможностей, типичных для именных лексем английского языка. Это характерно для очень незначительной группы мифонимов, образующих устойчивые сочетания в английском языке. К таковым можно отнести китайские мифонимы *feng shui*, *yin and yang* и японский мифоним *kami*, выступающие в англоязычных словосочетаниях в атрибутивной функции, например: *kami religion*; *feng shui master*, *feng shui products*, *feng shui methods*, *feng shui society*, *yin and yang symbol*, *yin and yang philosophy*, *yin and yang universe*, *yin and yang food*, *yang people*, *yin people*; а также мифоним, конвертируемый в глагол и принимающий прямое дополнение: *to feng shui a room/house*. Следует обратить внимание на переносное значение коллокаций с мифонимами *yin and yang food*, *yang people*, *yin people*.

Восточноазиатские мифонимы, подчиняясь общим правилам заимствования, не приносят в язык-реципиент всего спектра своих значений. Однако нами отмечены также случаи, когда восточноазиатские мифонимы, заимствованные английским языком, могут использоваться в разных значениях, сохраняя присущую их этимону многозначность, например, *shishi* – (яп.) 1. мифологический лев; 2. очень важный человек.

Japanese legend portrays shishi as playful in temperament but protective in nature, and they are invoked as protectors of children (<http://encyclopedia.thefreedictionary.com/shishi>). – Японская легенда гласит о том, что сиси, игривые по темпераменту, призваны защищать детей.

Twenty years ago I publicly proclaimed you Shishi, man of high purpose, my personal champion (D.Silverman, 1994, p.316). – Двадцать лет назад я публично признал Вас сиси, как человека высоких целей, моим личным защитником.

Перечисленные выше факты доказывают, что восточноазиатские мифонимы, встречающиеся в англоязычных текстах, представляют собой частично освоенные заимствования.

Поскольку восточноазиатские мифонимы, являясь частично освоенными фонетическими заимствованиями, встречаются в англоязычных текстах окказионально и чаще всего остаются в статусе иностранных слов для англоязычных носителей, они нуждаются в пояснении. Видимо, именно поэтому восточноазиатские мифонимы практически всегда встречаются в англоязычных текстах в сопровождении лексических единиц английского языка, эксплицирующих их значения. Наше исследование показало, что из 1834 случаев упоминания образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах 171 случай (9%) приходится на описательный перевод, 188 случаев (10%) – на калькированный перевод, 431 случай (24%) – на аналоговый перевод. Самыми распространенными способами передачи явились фонетический перевод (трансфонация) – 700 случаев (38%) и комплексный перевод – 344 случая (19%), который включает фонетический перевод и аналог – 27 случаев (1%), фонетический перевод и кальку – 51 случай (3%), фонетический перевод и описание 266 случаев (15%), эксплицирующее значение восточноазиатского мифонима.

Эксплицируя внутреннюю форму мифонима, англоязычные авторы раскрывают культурно-национальный смысл и характер концепта, лежащего в его основе, то есть, его культурную коннотацию (термин В.Н.Телия). Для определения культурной коннотации

концептов-мифологем в рамках лингво-кросскультурного исследования мы провели сопоставительный анализ сходных китайских и английских мифонимов *feng-huang / phoenix; kylin / unicorn; lung / dragon; gui / ghost, spirit, demon, devil; shen / ghost, spirit* которые являются разными вербализациями сходных мифологем двух культур. Для выявления этноспецифичной информации, заключенной в лексическом значении единиц, нами было проведено полное исследование лексического значения слов, которое достигается сочетанием различных методов, в том числе метода исследования словарных дефиниций, метода компонентного анализа, метода контекстуального анализа. Изучая словарные дефиниции сопоставляемых единиц, используя метод компонентного анализа, который предполагает разложение значения слова на семы, мы выделили общие для обоих языков значения слов, а также обнаружили значения, присущие лексической единице лишь одного из языков. Посредством контекстуального анализа мы обнаружили ассоциации говорящих; эти ассоциации образуют мотивирующую основу для возникновения прагматической коннотации, под которой подразумевается эмоциональная, оценочная или стилистическая окраска лексической единицы. В результате исследования было установлено, что:

1. Культурную коннотацию западного и восточного концептов, вербализуемых посредством лексических единиц *phoenix* и *feng-huang*, можно определить как положительную. В западной культуре птица-феникс – *phoenix* - символизирует бессмертие, в восточной культуре фэнхуан – *feng-huang* - символ императорской власти, мира и процветания. Китайский фэнхуан имеет еще одно дополнительное символическое значение, отсутствующее у птицы-феникс в западной культуре: он рассматривается в китайской культуре как символ супружеской взаимозависимости. В этих символических значениях, по нашему мнению, заключается этнокультурный компонент лексического значения китайского мифонима *feng-huang*. В английском языке исконные коннотации заимствований сохраняются.

2. Положительный образ как «восточного» так и «западного» единорога, трактование его как символа успеха обеспечивает ему положительную культурную коннотацию. Имя китайского мифического животного *ch'i-lin / kylin* есть комбинация двух иероглифов *ch'i* - мужское начало, *lin* - женское начало. Здесь, также как и в случае с фэнхуаном, проявляется древнейшая символика, подчеркивающая дуализм мужского и женского начал, добра и зла, всего того, что включает в себя культурный концепт *yin-yang*.

Отметим, что образу «западного» единорога данная символика не присуща.

3. Заимствуемая в английский язык лексическая единица китайского языка *lung* помимо основного значения «мифическое существо» имеет символическое значение «император и все, что с ним связано». Согласно данным Большого Оксфордского словаря, лексическая единица *dragon* имеет, помимо основного значения «мифическое существо, чудовище», переносное значение «свирепый, жестокий человек, в особенности агрессивна настроенная женщина». Репутация дракона в европейской традиции не может быть названа положительной, в отличие от ассоциаций, связанных с китайским драконом. В последнее время английское слово *dragon* используется для наименования Китая, об этом можно судить, в том числе, и по заголовкам политических и экономических статей: «The Dragon and the Iron Horse: The Economics of Railroads in China» [<http://www.smarter.com/asia-history-books/the-dragon-and-the-iron-horse-the-economics-of-railroads-in-china-1876-1937-/pd--ch-1--pi-482807.html>], «Trading With the Dragon» [http://www.atimes.com/atimes/China_Business/HK23Cb01.html], «Managing the Dragon. How I'm building a billion-dollar business in China» [<http://www.managingthedragon.com>]. Согласно данным контактологического словаря «Перекресток», в современном политико-экономическом контексте слово *dragon* обозначает одну из быстроразвивающихся азиатских стран, чья экономика строится на экспорте высоких технологий. Таким образом, под влиянием восточноазиатской культуры английское слово *dragon*, имевшее отрицательную коннотацию, стало приобретать значения с положительной коннотацией.

4. У английского слова *ghost*, имеющего, согласно данным Большого Оксфордского словаря, редкое значение «человек», появляется добавочное значение «человек иной национальности». Причем, если ранее эта лексическая единица не несла в себе какой бы то ни было оценочности, то под влиянием восточноазиатской культуры слово *ghost* как синоним словам *demon* и *devil* в контексте современных художественных произведений, тематически связанных с Востоком, приобретает отрицательную коннотацию. Например, в романе М.Х. Кингстон мать главной героини – старая китайка, проживающая в Америке, и сама главная героиня называют всех, кто их окружает - людей не китайской национальности – *ghosts*:

The Japanese, though "little", were not ghosts, the only foreigners considered not ghosts by the Chinese (M. Kingston, 1989, p.93). - Японцы

не были призраками, только иностранцев из Японии китайцы не считали призраками.

I liked the Negro students (Black Ghosts) best because they laughed the loudest and talked to me as if I were a daring talker too (M. Kingston, 1989, p.166). – *Больше всего мне нравились студенты-негры (темные привидения), поскольку они громче всех смеялись и разговаривали со мной так, как будто я тоже был смелым собеседником.*

Once upon a time the world was so thick with ghosts, I could hardly breathe; I could hardly walk, limping my way around the White Ghosts and their cars (M. Kingston, 1989, p.97). – *А однажды вокруг меня было столько призраков, что я с трудом могла дышать, я медленно пробиралась сквозь белых призраков и машины.*

Таким образом, мифическое наименование соотносится с вполне реальными, а не воображаемыми объектами, выполняя прагматическую функцию и свидетельствуя об определенных отношениях между этносами.

В заключении обобщаются основные результаты исследования и намечаются перспективы дальнейшего изучения исследуемой проблемы.

В приложении 1 «Репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах» представлены восточноазиатские мифонимы и лексические единицы принимающего английского языка, иллюстрирующие и уточняющие их содержание. В приложении 2 представлена анкета, которая предлагалась англоязычным носителям с целью выяснения степени их знакомства с восточноазиатской мифологией.

Основное содержание диссертации отражено в следующих публикациях автора:

**Научная статья, опубликованная
в ведущем российском периодическом издании,
рекомендованном ВАК Министерства образования и
науки РФ:**

1. Матвиенко Е.В. Языковая репрезентация образов восточноазиатской мифологии в англоязычных текстах // Вестник Поморского университета. Сер. Гуманитарные и социальные науки. – Архангельск, 2007. – № 7. – С. 94-97 (0,3 п.л.).

**Статьи, опубликованные в сборниках научных трудов
и периодических изданиях:**

2. Матвиенко Е.В. Адаптация восточноазиатских мифонимов в английском языке // Культурно-языковые контакты: сб. науч. трудов. – Вып. 11. – Владивосток, 2007. – С. 148-153 (0,2 п.л.).
3. Матвиенко Е.В. Некоторые особенности китайской народной сказки // Интеграция науки и образования – основа развития и возрождения национально-регионального менталитета: сборник докладов Международной научно-практической конференции. - Биробиджан: Изд-во БГПИ, 2004.- С. 95-98 (0,3 п.л.).
4. Матвиенко Е.В. Способы передачи китайских мифонимов в романах Эми Тэн // Культурно-языковые контакты: сб. науч. трудов. – Вып. 8. – Владивосток, 2005. – С. 150-155 (0,4 п.л.).
5. Матвиенко Е.В. Этнокультурный компонент лексического значения китайских мифонимов dragon, unicorn, phoenix // Культурно-языковые контакты: сб. науч. трудов. – Вып. 9. – Владивосток, 2006. – С. 192-201. (0,3 п.л.).
6. Matvienko E., Morozova T. Color Symbolism in Idiomatic Set Phrases in English and Chinese // Общие проблемы, общие решения: преподавание языков в различных культурных контекстах: материалы 5-й Паназиатской конференции. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2005. - С. 80-83 (0,2 п.л.).
7. Matvienko E. Images of Chinese Mythology in American Literature (cross-cultural aspect) // Лучшее в преподавании английского языка: материалы 6-й Паназиатской конференции. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2006. - С. 94-97 (0,3 п.л.).
8. Matvienko E. Oriental mythology (Chinese, Japanese, Korean) in the English-speaking world // Язык и культура: Наводим мосты: материалы 7-й Паназиатской конференции. - Владивосток: Изд-во Дальневосточного университета, 2008. – С. 62-66 (0,4 п.л.).

Матвиенко Елена Викторовна

ЯЗЫКОВАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ОБРАЗОВ ВОСТОЧНОАЗИАТСКОЙ МИФОЛОГИИ
В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ТЕКСТАХ

Специальность 10.02.04 – германские языки

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать «17» мая 2010г. Формат 60x84/16

Тираж 130 экз.

Заказ № 63

Отпечатано в ООО «Эпиграф»
679000, г. Биробиджан, ул. Сапёрная 23, офис 2
т.: (42622) 6-63-67